МОЙ КРЕСТ ПАВЕЛ ЛУНГИН О ЛЮБИМОМ ОТЕЛЕ RELAIS SANTA CROCE ВО ФЛОРЕНЦИИ

ГЕННАДИЙ ИОСЕФАВИЧУС

Такси заворачивает на улицу Гибеллинов и через минуту останавливается перед фасадом с двумя римскими колоннами. На входе — табличка с мишленовскими звездами (здесь знаменитый трехзвездный ресторан Enoteca Pinchiori) и крохотная вывеска нашего отеля — Relais Santa Croce. Портье в серой крылатке подбирает чемоданы и ведет куда-то наверх, по лестнице с широкими маршами.

Мы поднимаемся наверх, расписываемся в книге постояльцев, и девушка с южным выразительным лицом (как оказалось, с лицом бразильским) ведет нас — меня и жену мою Лену — в номер. Девушка улыбается — то ли она улыбается всегда, то ли предвосхищает улыбкой эффект, который Suite Dei Pepi должен на нас оказать. Провожатая подносит к несуществующей замочной скважине кожаный футляр с зашитым в нем электронным ключом, раздается писк, и половина огромной, в три метра высотой двустворчатой двери распахивается. Девушка ждет, пока мы войдем внутрь, охнем, нервно засмеемся, и только потом, словно убедившись в том, что внедрение нас в королевские апартаменты прошло без жертв, входит сама. Мы с Леной садимся в кресла, откидываемся на спинки и задираем головы. Только так, кажется, можно рассмотреть фрески, написанные на наших восьмиметровых потолках в каком-нибудь XVIII веке. Для Ренессанса они, фрески, излишне манерные, а вот для какого-нибудь 1750 года — в самый раз.

Потом мои искусствоведческие предположения оказываются правдой: папский казначей Балдинучи начал строить свой флорентийский дом в 1700 году, но время, говоря современным языком, чистовой отделки настало лишь спустя 50 лет, когда дворец перешел в другие руки и стал называться Палаццо Чиофи-Джакометти. Впрочем, те самые римские колонны, что стоят перед входом, они как раз от папского банкира.

Мы смотрим на фрески, бразильская девушка довольно смотрит на нас, время идет, но никто никуда не торопится. Мы не торопимся, потому что приехали во Флоренцию, а здесь не положено торопиться; девушка не торопится, потому что у нее в ведении всего 20 комнат и каждому постояльцу она может отдать столько своего времени, сколько ему нужно.

Экскурсия по апартаментам начинается, когда наша провожатая наконец-то вынимает нас из кресел и ведет на экскурсию по апартаментам. Из гостиной мы попадаем в спальню, оттуда — в ванную. Под номер использована часть бывшей анфилады, ванная виртуозно вписана в интерьер, ничто не раздражает, и даже современная техника как-то не очень вызывающе соединена с антикварной мебелью. Девушка обучает нас пользованию номером, исчезает, потом в дверь стучится официант со стоящей на льду бутылкой шампанского; наконец обычная при въезде суета заканчивается, я снова валюсь в кресло, достаю любимые кубинские сигариллы, зажигаю одну и наблюдаю, как дым поднимается к расписанному 250 лет назад потолку. За окнами слышен колокольный звон — это в Санта Кроче отбивают целый час.

Мы встречаемся с друзьями на Торнабуони, в старой трюфельной лавке Prosacci, пьем франчакорту, заедаем ее крохотными сэндвичами с трюфелями и пытаемся договориться на предмет ужина. Друзья тащат нас в какой-то свой заветный ресторанчик, мы тащим друзей к нам, в Relais Santa Croce. Нам хочется показать свои апартаменты, посидеть в домашнем баре и поужинать в гостиничном ресторане, тем более что шеф Марко, с которым мы успели перед выходом познакомиться, взял с нас обещание попробовать его готовки. Друзья сдаются.

Мы возвращаемся в палаццо, проходим мимо чопорных мишленовских звезд, поднимаемся на свой этаж, наши друзья задирают головы, чтобы рассмотреть фрески, и тут уже мы — как давеча бразильская девушка — стоим и улыбаемся в ожидании эффекта. Мы рассаживаемся в креслах огромной музыкальной гостиной, нам приносят аперитив, и Марко Тремонте, шеф ресторана Guelfi e Ghibellini, спешит к нам принять заказ. Он, кажется, по-настоящему рад нашему возвращению. Мы отдаемся в руки повара, просим его придумать наше меню самостоятельно. Начинается небольшое шоу. Вслед за маленькими комплиментами от шефа следуют комплименты большие, затем — неоправданно роскошные (foie gras по-местному, трюфеля и пр.) и только потом — придуманные мэтром блюда: артишоки, непременный флорентийский стейк из мяса кьянинских бычков, невероятные десерты.

Потом мы долго еще сидим в курительной комнате, пробуя — один за другим — ликеры, граппу, цедя кофе и покуривая сигариллы. День, а за ним вечер давно уже закончились, настала ночь. Друзья нехотя уходят из нашего дворца, Лена подносит кожаный чехольчик с электронным ключом к замку, раздается писк, трехметровая дверь отворяется. Мы в Dei Pepi, под фресками, под тонкими простынями, наконец-то в кровати. Уффици, «Тайная вечеря» Гирландайо в трапезной Оньиссанти, могилы Санта Кроче — все это будет завтра, а сегодня надо просто спать. Во дворце, под восьмиметровыми потолками.